

12+

Анна Трофимова

Монастырь

Руническая повесть

АННА ТРОФИМОВА

Монастырь,

Руническая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53339706

SelfPub; 2022

Аннотация

Монастырь – это место, где находятся Врата. Что надо сделать, через что пройти, чтобы не дать Вратам открыться и впустить в наш Мир Зло? От чего придется отказаться, что преодолеть и что понять во время поиска Пути и своего предназначения в этом Мире? Вопросов бывает гораздо больше, чем ответов! Герой – Серый – ищет ответы на вопросы, которые ему поставила Судьба в Монастыре. Что значит – быть избранным Судьбой для борьбы со Злом? Как можно победить Непознанное Непобедимое? С помощью чего простой смертный может уничтожить Врата, через которые в наш Мир просачивается Зло? С помощью оружия, простой силы, тайного знания? Что движет простым солдатом, когда он вступает в схватку с высшим существом? Мир находится на пороге нового Культа – и миссия Серого – не дать распространиться ему по Земле!

АННА ТРОФИМОВА

Монастырь,

Руническая повесть

Глава 1

Несколько дней меня преследовало странное чувство. Я не мог справиться с ним и не вполне понимал того, что происходит. Но я чувствовал, что где-то рядом находится моя Дорога.

Где-то внутри меня появилось ощущение, что кто-то меня ведет вперед, к началу моего Пути.

Наш отряд, вернее то, что осталось от него, шел по бесцветной болотистой местности. Близость зимы уже давала о себе знать. Деревья давно стояли без листьев, но первый снег всё еще не выпадал.

Почему-то мне казалось, что стоит выпасть снегу – и все вокруг изменится. Как только земля покроется белым – все станет совсем другим.

Мы шли по дороге разбитой сотнями телег с беженцами; делали частые привалы из-за раненых бойцов. Нам попадались только оставленные хутора, сожженные мельницы и редкие испуганные крестьяне, закутанные в какое-то тряпье. Они шарахались от нас в лес, опасаясь кучки оборван-

ных солдат, неизвестно к какой армии принадлежавших изначально. По-своему они были правы, ведь мы доведены до отчаянья, лишены надежды, у многих нервы были уже на пределе. Я мог отвечать только за себя. За остальных – нет. Кто знает, что в голове солдата непонятно за что отдавшего последние три года своей жизни.

Уже несколько часов я не чувствовал своих ног. Сапоги с меня кто-то стащил еще на вчерашнем ночном привале, посчитав, наверное, что я уже умер, а живому они нужнее. Я не осуждал его, я и сам мародерствовал, и это было от полной безысходности.

Серое небо стало ниже, а это значит, что сейчас начнется дождь. Холодный ноябрьский дождь, который, возможно, превратится в первый снег.

Я так устал... Когда же будет привал? Сегодня я уже видел, как несколько солдат свалилось в придорожную канаву, и сейчас передо мной упал еще один. Я остановился над ним и перевернул его лицом вверх. Грязь залепила лицо несчастного, но я смог его узнать по металлическим дужкам без стекол. Это был Очкарик.

Я закрыл его голубые, как у младенца, глаза, сделал несколько шагов вперед, но вернулся.

– Прости, – сказал я тому, что осталось от Очкарика и, стянув с него сапоги, надел их поверх своих драных обмоток. Сапоги мне были немного великоваты, но это даже хорошо. Хуже было, если бы они оказались мне малы.

То, что дождь все-таки начался, я понял, когда забурлила от ливня Река, недавно показавшаяся из-за высоких придорожных кустов. Я поднял голову и увидел, что на другой стороне этой безымянной клокочущей и вздувающейся пузырями Реки возвышается Монастырь.

Не помню, как мы переходили Реку вброд, помню только, как кто-то выволок меня за шиворот на берег. Должно быть, я изрядно наглотался воды, и теперь стоял на четвереньках, задыхаясь и кашляя, сплевывая на застывший камнем колючий песок.

Я поднял голову. Надо мной возвышались каменные стены монастыря. Сквозь облупившуюся серую штукатурку кое-где проглядывали красные кирпичи.

Мы прошли в приоткрытые кованые монастырские ворота. Кого-то тащили, кто-то плелся сам. Кажется, я был последним.

Хорошее место для ночлега. Наверное, самое лучшее за последние недели, пока мы куда-то от кого-то отступаем. Я опустился на гладкие камни и прислонился спиной к стене. Все. Больше не смогу сделать ни шага.

– Вставай, вставай, – услышал я над ухом и поднял глаза.

Надо мной склонился Бородач, из его рта вырывался белыми клубами пар. Бородач подхватил меня и потащил внутрь какого-то строения.

Глава 2

Мы далеко не всегда способны сделать выбор и поэтому часто ошибаемся. Иногда обстоятельства складываются таким образом, что нас просто куда-то ведет. Совпадения превращаются в логику событий, и у каждого следствия появляется своя причина.

Думаю, не просто так я оказался именно здесь именно сейчас. В этом была причина, просто пока что не появилось следствие.

– Кто жив, откликнитесь! – Это надрывно прохрипел наш Командир, я никогда не слышал его голос не простуженным. – Тех, кто сейчас не шевельнется – мы похороним, чтобы предотвратить мор!

Я улыбнулся и открыл глаза. Командир стоял надо мной. Сдвинув густые брови на переносице, он строго проговорил:

– Твое счастье, что не разучился веселиться в этом аду!

Я привстал на локте и увидел, что нахожусь в огромном помещении с колоннами. На потолке местами еще осталась золотая роспись, а фрески на стенах почти полностью осыпались, обнажив старинную кирпичную кладку. Я понял, что заночевали мы внутри Храма.

Кто-то разжег костер, несколько человек грелись около него и сушили свои изношенные ветхие одежды. Я встал, пошатываясь, сделал несколько шагов, опираясь на шершавую стену, подошел к огню и сел, протянув к пламени свои ноги без сапог. Опять кто-то успел их стянуть с меня.

Краем глаза я видел, как во внутренний дворик вынесли троих человек, умерших за ночь.

– Мы предадим наших братьев земле! – Продолжал хрипеть Командир. – Они отдали нашему великому делу свои жизни и достойны настоящих почестей! Бородач! Серый! Копайте братскую могилу.

Хорошо было бы что-нибудь съесть, прежде чем браться за работу, или хотя бы немного отогреться, но я послушно встал и вышел на улицу.

Солнце ослепило меня в первую секунду, и я зажмурился.

– Красиво, да? – раздался скрипучий голоса Бородача.

– Не вижу! – рассмеялся я. – Ничего не вижу!

– Ты случайно не ослеп? – спросил Бородач.

– Просто солнце. – Я потер глаза. – Где копать будем?

Я окинул взглядом небольшой внутренний двор. После дождя все блестело: и золотой шатер колокольни, и булыжники, отполированные за столетия сотнями ног, и кованые ворота. Я уже и забыл, что бывает такая красота и благодать.

– Копать будем по очереди. – Бородач прошел в арку, отделяющую небольшое монастырское кладбище от двора. – Лопата одна.

Я вонзил штык лопаты в землю, еще не успевшую окончательно промерзнуть. Коричневым дымящимся комом она свалилась обратно – руки мои тряслись.

– Посиди-ка, —отстранил меня Бородач и начал копать могилу сам. Я отошел и присел на цокоть старой полураз-

рушенной могилы. — Сапоги стяни подходящие, — Бородач кивнул на троих покойников.

— Мне не надо... — Я передернул плечами.

— Ты чего? — Бородач поднял в удивлении брови. — Это им не надо! А ты живой пока. Бери, кому говорю! — Он замахнулся на меня лопатой. Наверное, в шутку. Я послушно встал, снял сапоги с ближайшего трупа и натянул их на свои ноги. — То-то, — Бородач одобритительно кивнул.

Я снова присел на могилу и стал рассматривать полустертые непонятные знаки и рисунки на ней. Но черты и резы на камне неожиданно для меня стали складываться в буквы и слова, и я прочитал вслух плохо сохранившуюся замшелую надпись на камне:

— «Покоящийся здесь да упокоится вовек»... Слушай, Бородач, как может покоящийся не быть успокоенным?

Бородач разогнулся, вылез из ямы и, шумно дыша, протянул мне лопату.

— Может, это нечисть какая-нибудь, — продолжил я, стараясь преодолеть дрожь в руках. — Может, оборотень или вампир здесь лежит. Откуда нам знать? Может, не надо копать здесь могилу?

Я взял лопату и тяжело спрыгнул в выкопанную Бородачом яму.

— Нет, не думаю, — ответил тот. — Это все сказки неграмотных пугать. Мы же в Монастыре. Скорее всего, здесь покоится в мире праведный монах или великий воин... Ты копай,

копай. Не разговаривай, а то они скоро пахнуть начнут, — Бородач покосился на троих покойных и сморщил нос.

Мне показалось, что один из них шевельнулся. Видения начались от голода, не иначе.

– Что б тебя! – Закричал не своим голосом Бородач.

– Что!?! – Я разогнулся. От резкого движения или от голода у меня пошли перед глазами круги и пятна.

Один из покойных встал и с недоумением смотрел на нас. Это был Сума. С него-то я и снял сапоги.

– Братцы, вы что, похоронить меня решили заживо? – Он слабо улыбался и зябко переступал с ноги на ногу. – Сапоги-то мои видел кто?

– Да ты стяни с кого-нибудь из них, поди не обеднеют, — Бородач махнул рукой на двух оставшихся покойников. Сума последовал его совету и через мгновение уже был обутым.

– Слушайте, братцы, пора это безобразие-то с сапогами заканчивать. Это же просто кошмар какой-то! Просыпаешься утром, а мало того, что босой, так тебя ж еще и погребать собираются.

Я снова начал копать. Хорошо, что Сума живой – могилу теперь придется меньше делать.

– Остальные-то точно мертвые? – Сума пнул носком сапога один, потом другой труп. Они, окоченевшие, не шевельнулись. – А что у нас с едой-то?

Сума отличался одной особенностью – он очень любил поесть, что в условиях войны, а тем более отступления было по-

что невозможно, а он, похоже, постоянно думал только о еде. По крайней мере, его воспоминания о том, какие чудесные пироги и соленья готовила его мама, для меня были просто невыносимы. Я придерживался общепринятого негласного правила не вспоминать о мирном времени. Хотя бы вслух.

– А ничего у нас с едой, Сума, ничего. – Бородач сменил меня и прыгнул в яму. – Мы же в монастыре и питаться теперь будем исключительно святым духом.

– Ох... Так дело-то не пойдет... – Сума стоял как в воду опущенный. – Это ведь не правильно, чтобы совсем никто не заботился о пропитании-то...

– Абсолютно с тобой согласен, – Бородач выкинул из могилы ком земли. – Ты и займись этим. Походи по окрестностям, попроси милостыню, может, даст кто.

Глава 3

Временами бывает ощущение, что все происходящее вокруг – неправда, сон, фантазия, нереальность; что все окружающее тебя – всего лишь придуманное кем-то испытание на Пути. Кажется, стоит открыть глаза – и все станет ясным, простым и понятным.

Это состояние похоже на мгновение перед тем, как ступишь на раскачивающийся ветром зыбкий и неустойчивый подвесной мост, который соединяет то, что было разъединено и не связано.

Я увидел, как что-то сверкнуло в земле. Я встал на колени и протянул руку к сверкнувшему на солнце предмету. Это был небольшой круглый медальон с витиеватым рисунком, висящий на кожаном шнурке. Наверное, золотой. Я потерял его, он ярко блеснул на солнце.

– Ох, гляди-ка, Бородач, что Серый-то нашел. Дай-ка. – Щурясь, Сума взял медальон повертел его в руках и вернул мне. – Повезло-то как!

Сума почесал живот и пошел прочь, шаркая по брусчатке и переваливаясь с ноги на ногу. Я размял дрожащими пальцами новый ком земли, выкинутый Бородачом, но ничего больше мне не попало.

– Это к удаче, – сухо сказал Бородач.

– Я даже знаю к какой. – Я надел медальон на шею. Холодом он обжег мне кожу. Но это ощущение моментально прошло. – Сума живой, значит, от голода мы точно не умрем.

Мы аккуратно положили в могилу наших погибших товарищей, проверив напоследок их карманы, но ничего не обнаружили кроме дыр. Когда же начали засыпать их землей, во внутренний дворик вбежал наш Командир, в расстегнутой рубахе, мокрый от пота.

– Отставить! Прекратите! Это общее дело! – Размахивал он руками.

– Как могилы копать – так наше с Серым дело, а закапывать – общее? – Бородач недовольно посмотрел на Командира.

– Отставить! – На его щеках горел нездоровый румянец. – Вы же самые крепкие из оставшихся бойцов. Как вам только не совестно так говорить!

Я сел на гору сырой земли и посмотрел на небо. Над сиюющими шатровыми куполами летали, галдя, галки, белые облака неслись с невероятной быстротой, а Солнце припекало, как будто вернулось лето. Кто-то тронул меня за плечо. Бородач стоял надо мной и закрывал полнеба.

– Почетный караул, – тихо сказал он.

Я встал и посмотрел по сторонам.

Семь человек – вот и все, что осталось от нашего отряда. Кучка оборванных, голодных, испуганных и разуверившихся во всем людей – вот что сейчас мы собой представляли.

– Мы не забудем вас! – Услышал я конец речи Командира. – Мы все, как один, будем вас помнить. Вы останетесь в наших сердцах! Прощайте!

Он кинул горсть дымящейся земли, и все остальные последовали его примеру. Я взялся за лопату и засыпал бойцов.

Как не пафосно звучали слова Командира, как не высокопарно, но я знал, что он говорил искренне, иначе он и не может. Да и как еще тут скажешь? Конечно, мы будем вас помнить. А если завтра кто-то присоединится к вам, мы не забудем и его, до тех пор, пока не умрем сами.

Глава 4

Иногда бывает какое-то особое, ни с чем не сравнимое

предчувствие. Вот-вот – и что-то значимое произойдет в твоей жизни. Что-то важное. Именно то, для чего ты и родился! Это чувство может ничем и не обернуться, но бывает, что действительно это что-то происходит. И ты выходишь на свою Дорогу.

Это чувство может возникать периодически и отпускать, а может катиться лавиной, снежным комом сжимая сердце от осознания этого чего-то предстоящего.

Это похоже на головоломку, которая вот-вот начнет складываться. Ты как будто бы её разгадал, но все же не совсем. И в тайне надеешься на то, что она сама даст тебе подсказку.

Я втянул осенний воздух ноздрями. Пахло опавшей прелой листвой, сырой землей, Рекой и... едой. Пахло кашей.

Месяц. Да, приблизительно месяц прошел с тех пор, когда на привале Сума готовил кашу, а после этого только сухомятка и холодная вода или спирт, случайно найденный в чем-то чужом брошенном доме.

Я кинул последний взгляд на могилу. Вроде бы все чинно. Воткнул в бурюю землю лопату и пошел на запах.

Кашеварил, конечно, сам Сума. Он раздавал еду, приговаривая:

– Ох, оголодали, ребятки. Ничего-ничего, я накормлю вас.

Я подошел к котлу и остановился. В котле бурлила каша. Это было прекрасное и завораживающее зрелище.

– Где ты раздобыл все это? – Я кивнул на вареву.

– Впечатляет? Вот, не поленился, зашел-таки в кладовую-то! – Сума бухнул в миску еду и протянул мне. – Подходи за добавкой... — Он заговорщицки подмигнул мне и кивнул на небольшую дверцу в стене: – Там полно всего. Можем спокойно зимовать, пока такая неопределенность-то в воздухе витает. Тем более, – сказал он намного тише, – похоже, что далеко не все перезимуют-то. – Он выразительно посмотрел на давящегося кашлем Командира. – Совсем сдает.

– Что с ним? – Я привык, что Командир вечно простужен и не обращал внимания на его частые приступы кашля.

– Что-что... – отмахнулся от меня Сума. – Иди, ешь.

Я вышел во двор и присел на каменную ступеньку рядом с молоденьким босым солдатом.

– Осталось только помыться для полного счастья, – сказал он, с набитым кашей ртом.

– Неплохо бы, – согласился я, скребя ложкой по дну миски. – Ты когда к нам прибился? Что-то я тебя не припомню.

– Просто не обращали внимание. – Солдатик пожал плечами и виновато улыбнулся широким ртом. Я посмотрел на него внимательнее. Ну да, определенно я его раньше видел. Щуплый. Лысый. Похожий на кузнечика – коленки и лопатки торчат из-под драной шинели.

– Как зовут тебя, напомни. – Я облизал ложку и покосился на мешающего в котле кашу Суму.

– Да Сурик я. – Он снова улыбнулся.

Очень быстро я покончил с первой порцией каши и пошел к Суме за добавкой. Он по-хозяйски черпанул новую порцию. Я спросил его:

– Ты не сказал, что с Командиром.

– А ты сам-то не понимаешь? – Сума низко наклонился к моему уху.

– Нет.

– Умирает он... Чахнет на глазах. Еще эта неразбериха.

– Ты об отступлении? – Я начал есть, не отходя от котла с дымящейся кашей.

– Ведь совершенно нет никакой связи с Южной Армией. – Сума тяжело вздохнул. – Да и есть ли она, Армия-то наша, кто бы знал...

Я пожал плечами и снова вышел во внутренний двор монастыря. Сурик исчез со ступенек, и я подошел к свежей могиле.

Глава 5

Когда в твоём сознании складывается мозаика—ты приходишь к пониманию сути своей Дороги. Когда ты находишься в центре круговорота – все встает на свои места. Центр становится неподвижным и реальным, и ты действительно в состоянии оценивать события такими, какие они и есть на самом деле, а не такими, какими они лишь кажутся.

Мир становится реальным, когда появляется точка от-

счета реальности. Именно здесь, в этой точке и рождается реальность Дороги.

У могилы стоял Бородач и еще один незнакомый мне боец. Они о чем-то тихо говорили, и я услышал только неясные обрывки фраз.

Они повернулись ко мне и замолчали. Незнакомец сверкнул на меня холодными ледяными глазами.

– Ты прямо как шпион подкрался, – прервал неловкое молчание Бородач. – Вы знакомы? – Он кивнул на своего собеседника.

– Нет, – я покачал головой. Он мне сразу не понравился. Я почувствовал к нему недоверие, и даже... страх проник в мою душу холодом.

– Бирюк, – представился незнакомец сам. – Я вчера вас нагнал, почти перед Рекой.

Я недоверчиво оглядел его одежду. Он не принадлежал ни к Южной, ни к Северной Армии. Незнакомая мне военная форма без погон; даже скорее она была условно-военной – какой-то коричневый балахон с капюшоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.